

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛОВЦЕВ В ЛЕТОПИСАНИИ XI–XIII ВВ.

Отношения Древней Руси и степи являются одним из важнейших «мест памяти» в российской истории. Историография Нового времени диктует восприятие этих отношений как однозначного противостояния. Однако с точки зрения современников ситуация была более сложной. Изучение характеристик и функций, приписываемых половцам в летописных текстах, позволяет увидеть многоплановость и неоднозначность русско-половецких отношений XI–XII вв.

Ключевые слова: Древняя Русь, степь, половцы, летописание, восприятие Другого.

Отношения с половцами являются одним из важнейших сюжетов древнерусской истории¹. Именно с половецкой темой связано самое известное и символичное «место памяти» домонгольского времени – Слово о полку Игореве. Временная перспектива стерла нюансы этих противоречивых отношений, сведя динамику исторического процесса к «вечному» противостоянию двух начал – оседлого и кочевого, «Цивилизации» и «Степи»². С этой точки зрения (корни которой, замечу, могут быть прослежены даже не до написанных в позднесталинское время работ Д. С. Лихачева³, а по меньшей мере до «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина⁴), вооруженное противостояние степнякам оказывается патриотическим долгом, а сотрудничество с ними — предательством, или, в лучшем случае, проявлением недалковидности. Очевидно, однако, что для самих жителей Руси ситуация не выглядела столь однозначной. Это, в частности, воплотилось в том, как половцы изображались в летописании XI–XIII вв.

До известной степени такая реконструкция позиции книжников выглядит обоснованной. В частности, характеризуя упомянутый набег на Киево-Печерский монастырь, летописец (бывший, судя по его собственным словам, непосредственным очевидцем событий) не только под-

¹ Предлагаемая вниманию читателя статья обобщает материал и результаты обсуждения выступлений автора на всероссийской конференции «Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство» (Нижний Новгород, сентябрь 2010 г.) и интернет-конференции «Новая локальная история: социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей» (сайт Межвузовского научно-образовательного центра «Новая локальная история» <http://www.newlocalhistory.com>, октябрь 2010 г.).

² Ср.: Гребенюк. 1995. С. 3–15.

³ Лихачев. 1947. С. 145–169

⁴ Карамзин. 1991. Т. 2–3. С. 45, 68–69 и др.

робно описывает злодеяния «безбожных сынов Измаиловых», но и призывает на их головы заслуженную кару: «тѣмже и мы, послѣдующе пророку Давиду, вопьемъ: “Господи Боже мой, положи [я], яко коло, яко огонь предъ лицемъ вѣтру, иже поपालяеть дубравы, тако пожениши я бурю твою”. “Исполни лица ихъ дасаженья”, се бо оскверниши и пожгоша святыи домъ твои, и монастырь Матере твояе, и трупье рабъ твоихъ, убиша бо нѣколико отъ братья нашае оружьемъ»⁵. Понятно, что эмоции автора этого фрагмента накалены до предела и о мирных взаимоотношениях со степняками не может быть и речи. Вместе с тем, утверждение о парадигматической роли половцев-измаильтян как образца чуждого народа нуждается, как минимум, в уточнениях.

Для концепции Л. С. Чекина весьма важен историко-богословский экскурс, помещенный под 6604 (1096) г. в продолжение цитированного выше рассказа о нападении степняков и помещающий набег половцев в эсхатологический контекст⁶. И действительно, как в статье 6604 г., так и в рассуждении о татаро-монголах⁷ говорится, что степняки появились из пустыни Ятриб, расположенной «между вѣстокомъ и сѣверомъ», и что могущество степных народов будет расти с приближением Конца Света. Кроме того, оба книжника ссылаются на авторитет епископа Патарского Мефодия, чьим именем было подписано составленное в Византии и рано переведенное на Руси апокрифическое «Откровение» о бедствиях, ожидающих человечество перед наступлением Последних Времен. В то же время, летописец конца XI в. заимствовал у своего византийского учителя прежде всего сведения о количестве кочевых «колен», тогда как автора середины XIII века больше интересовала область, на которую распространится грядущее нашествие. В результате в летописи появилось два разных пересказа одного и того же произведения:

ПВЛ, 6604 г.

Ишъли бо суть си отъ пустыня Нитривьскыя межю вѣстокомъ и сѣвером. Ишъли же суть ихъ колѣнь 4: тортьмени и печенѣзи, торци, половци. Мефодии же

Новг. I лет., 6732 г.

<...> инии же глаголють, яко се суть, о нихъ же Мефодии, Патомьскыи епископъ съвѣдѣтельствуеть, яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскыя, суще межю

⁵ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 233.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234; ср. Чекин. 2000. С. 694–695, 707–708.

⁷ В Лаврентьевской летописи известие о битве на Калке, а соответственно и благочестивые рассуждения по этому поводу находятся под 6371 (1223) г., а в Новгородской I – под 6372 (1224) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445–446; М., 2000. Т. 3. С. 61–62, 264). О возможном общем источнике двух летописей (с обзором предшествующей литературы) см. в: Рудаков. 2009. С. 20–25.

свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8
колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче
Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа в пустыню,
а 4 исѣче <...> и по сихъ 8 колѣнъ г
кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в
горѣ Александромъ
Македонскимъ нечистыя
человеки⁸.

вѣстокомъ и сѣверомъ. Тако бо
Мефодий глаголетъ, яко скончанию
врѣмень явится тѣмъ, яже загна
Гедеонъ, и поплѣнять всю землю от
вѣстокъ до Ефранта и от Тигрь до
Поньскаго моря, кромѣ Ефиопия⁹.

Определенная связь между двумя приведенными фрагментами, вероятно, есть (хотя бы потому, что знакомство с трудами предшественника могло предопределить интерес позднейшего книжника именно к Откровению Мефодия). Однако разное содержание получившихся текстов свидетельствует о независимом обращении к византийскому эсхатологическому трактату. Иными словами, характеристика половцев в статье 1096 г. была не основанием, а лишь одним из воплощений парадигмы восприятия степных народов, опиравшейся на византийские образцы.

Не прослеживается прямой связи между двумя образами и на уровне эпитетов. Комментируя известие о восстании против сборщиков податей, помещенное в Новгородской I летописи под 6767 (1258) г., Л. С. Чекин пишет: «как и половцы во введении к Повести временных лет, “оканннии” татары резко противопоставлены христианам <...>, названы сыроядцами и сравнены с дикими зверями (звѣри дивияя), которых Бог за наши грехи привел “ис пустыня” чтобы пожирать плоть сильных мира сего и пить боярскую кровь»¹⁰. Между тем, описание обычаев разных народов, помещенное во вступительной части Повести временных лет, не ограничивается характеристикой одних только половцев. Напротив, неприемлемые нравы степняков оказываются лишь одним из множества «законов», самое разнообразие которых (а вовсе не отдельные негативные черты) противопоставляется единому «закону» христиан: «Глаголетъ Георгии в лѣтописаныи: “ибо комуждо языку, овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане [законъ] безаконикомъ отечствие мнится” <...> Мы же хрестьяне, елико земль, иже вѣрують въ святую Троицу [и] въ едино крещенье, въ едину вѣру законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся»¹¹. Это не позволяет говорить о резком противопоставлении, а

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

⁹ Там же. Т. 3. С. 61. «Рассказ Лавр[ентьевской летописи]», по признанию ученых, «несет в себе гораздо больше следов серьезной редакторской правки» (Рудаков. 2009. С. 24).

¹⁰ Чекин Л. С. Указ. соч. С. 709; ср. ПСРЛ. Т. 3. С. 82–83, 310–311

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 14, 16.

поскольку в одном ряду с половцами оказываются и вполне праведные народы (*сирии, ктириане, глаголемии врахманеи*), то и смягчает жесткость первоначальной оценки. Что же касается выражений *сыроядьци* и *звѣрье дивши*, то они в принципе отсутствуют в лексиконе летописцев XI – начала XII века. Очевидно, книжник XIII века не механически переносил характеристики одного народа на другой, а творчески перерабатывал наследие предшественников, уточняя и дополняя их оценки применительно к новой ситуации. Но, значит, стереотип восприятия степняков если и сформировался, то был относительно гибким.

Взгляды на половцев, выраженные в самой Начальной летописи (как собирательно именуется все летописные своды XI – начала XII в., включая Повесть временных лет), также далеки от однозначности. Прежде всего, необходимо отметить, что экскурс, включенный в статью 6604 г., посвящен не столько отталкивающим нравам и негативной роли степняков в истории (и то, и другое достаточно очевидно из основного текста указанной статьи), сколько проблеме классификации кочевых племен. В опиравшейся на Библию средневековой схеме этногенеза было как минимум два подходящих для половцев «слота» – они могли быть либо аммонитянами, либо измаильтянами, причем принадлежать к «сынам Аммоновым» было существенно хуже, ибо Аммон родился от связи Лота с собственной дочерью, а значит и он сам, и все его потомство заведомо нечисты¹²; измаильтяне не многим лучше, но их «родовое» преступление ограничивается присвоением чужого имени: «творятся “Сарини”, и прозваша имена собѣ “саракыне”, рекше “Сарини есмы”». Бесчинства, учиненные степняками в разоренном Печерском монастыре, должны были бы склонить летописца к менее престижному из двух возможных отождествлений. Более того, на момент составления обсуждаемой статьи уже существовала точка зрения, согласно которой половцы суть именно аммонитяне: «друзии же глаголють: “сыны Амоновы”»¹³. Однако монастырский историк возражает своим неназванным оппонентам, «сынове бо Моавли – хвалиси, а сынове Аммонови – болгаре, а срацини от Измаиля». Уверенно говорить о мотивах книжника по понятным причинам трудно, примечательно, однако, что и *хвалиси* (хорезмийцы), и *болгаре* были мусульманами, чья «нечистота» наглядно представлена еще в рассказе о крещении Руси¹⁴, тогда как половцы ос-

¹² Ср.: Быт 19: 30–38

¹³ В дальнейшем схожая догадка будет высказана и о татаро-монголах, которых станут причислять к моавитянам (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740. Моав – двоюродный брат Аммона, рожденный старшей дочерью Лота).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84–85, 86, 107.

тавались язычниками, а отношение летописцев ко многобожию было более сложным (ср. характеристики тех же «сириев» или «ктириан»).

Амбивалентность восприятия половцев в полной мере проявила себя в тех ситуациях, когда составителям Начальной летописи приходилось описывать практики взаимодействия восточных славян и степняков. В 1095 г. в стольный град Владимира Мономаха Переяславль прибыло половецкое посольство во главе с ханами Итларем и Китаном¹⁵. Двумя годами раньше, в 1093 г. половцы нанесли Руси очень серьезный урон, чему посвящен, пожалуй, самый пронзительный фрагмент летописного рассказа за XI в.: «Половци же, приимше град, запалиша и огнем [и] люди раздѣлиша, и ведоша в вежѣ к сердоболем своимъ и сродникомъ своимъ много роду хрестьяньска. Стражуще, печални, мучими зимою, оцѣпляеми, въ алчи и в жажи, и в бѣдѣ, опустнѣвше лица, почернѣвше телесы, незнаеми, страную, языком испаленым, нази ходяще и боси ноги имуще сбодены терньем со слезами отвѣщеваху другъ к другу, глаголюще “Азь бѣхъ сего города”, и други: “А язъ сея вси” – тако съупрашаются, со слезами родъ свои повѣдающе и въздышюче, очи возводяще на небо к Вышнему, свѣдущему тайная»¹⁶. В одной из битв этой провальной для русского воинства кампании погиб младший брат Владимира Ростислав¹⁷. Теперь же ханы со свитой расположились лагерем внутри городских укреплений. Дружина рекомендовала Владимиру перебить посольство, воспользовавшись удобным случаем для мести, однако князь воспротивился, ссылаясь на клятву: «како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ»¹⁸. Перед нами едва ли протокольная запись беседы. Напротив, диалог, в ходе которого нерешительность Владимира Всеволодича была побеждена доводами дружины, напоминает беседу другого Владимира – Святославича – с епископами, описанную в статье 6504 г.¹⁹:

6504 г.

И рѣша епископи Володимеру: «Се умножишася разбоиници, почто не казниши ихъ?» Он же рече имъ: «Боюся грѣха». Они же рѣша ему: «Ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Достойтъ ти казнити разбоиника, но со испытомъ».

6603 г.

Володимеру же не хотяше сего створити, отвѣща бо: «Како могу се створити, ротѣ с ними ходивъ?», отвѣщавше же дружина рокоша Володимеру: «Княже, нѣту ти в томъ грѣха, да они, всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую и кровь хрестьянску проливають бесперестани».

¹⁵ Там же. Стб. 227.

¹⁶ Там же. Стб. 225.

¹⁷ Там же. Стб. 220.

¹⁸ Там же. Стб. 227.

¹⁹ Там же. Стб. 126–127.

Вполне вероятно, поэтому, что соответствующая часть статьи 6603 (1095) г. имеет литературно-риторическую природу: «хорошему» князю полагалось посомневаться перед тем, как пролить чью-то кровь. В конце концов, месть над Итларем и Китаном свершилась, к вящему удовлетворению летописца: «и тако Ольбегъ Ратиборичъ приима лукъ свои и наложивъ стрѣлу, удари Итларя в сердце, и дружину его всю избиша. И тако злѣ испроверже животь свои Итларь в недѣлю сыропустную, въ час 1 дьне, месяца февраля въ 24 днь»²⁰. Примечательно, однако, что и аргументы Владимира не были прямо расценены как нелегитимные. Очевидно, ненависть к врагам Руси занимала в системе ценностей книжников по крайней мере такое же место, что и верность данной присяге.

А. А. Шахматов полагал, что «длинные благочестивые рассуждения в конце летописной статьи 6601 (1093) года» представляли собой завершение Начального свода, написанного около 1095 г.²¹. Это заставляло ученого относить статьи 6603 и 6604 гг. либо к авторскому тексту Повести временных лет, либо к вставкам ее редакторов. Однако современные исследователи пишут об «идейной и стилистической перекличке», связывающей с Начальным сводом значительную часть статьи 6605 (1097) г.²², что позволяет датировать данное произведение как минимум второй половиной десятилетия, а соответственно и переатрибутировать все рассмотренные выше статьи. Судя по всему, относительно толерантное восприятие половцев сформировалось уже в конце XI века.

При составлении Повести временных лет тенденции, заложенные в Начальном своде, получили дальнейшее развитие. Весьма характерна сцена, включенная во второй, более поздний слой текста статьи 6605 г. Князь Давид Игоревич и его союзники-половцы, сообщает нам книжник, готовились к битве с венграми, нанятыми Святополком Изяславичем. Ночью накануне сражения «вставъ Бонякъ, отѣха от вои, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему. И начаша волци выти мнози, Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко: “победа ны есть на угры заутра”»²³. Общее знакомство с логикой летописания, последовательно противопоставляющего истинное знание христиан и вымыслы язычников, одним из которых является вера в приметы и гадания²⁴, склоняет ожидать, что на следующий день Давид и Боняк потерпят поражение. Одна-

²⁰ Там же. Стб. 228.

²¹ Шахматов. 2002. Т. 1, кн. 1. С. 29–30.

²² Гунтуис. 2005. С. 15–16; Гунтуис. 2008. С. 6–11.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 270–271.

²⁴ Ср.: Там же. Стб. 170, 178–179.

ко гадание себя оправдало: венгры были наголову разбиты и бежали, потеряв убитыми «пискупа ихъ Купана и от боляръ многы»²⁵.

По мнению М. Д. Приселкова, цитируемый фрагмент представляет собой пересказ половецкой народной песни²⁶, но это крайне маловероятно, хотя бы потому, что в арсенале летописца имелось достаточно средств разграничения авторской речи и цитаты, а значит, такой пересказ был бы соответствующим образом оформлен. Видимо, перед нами текст, написанный от имени самого книжника, который в определенных ситуациях был готов становиться на точку зрения степняков.

Показательно и то, как книжники воспринимали участие степняков в междуусобных конфликтах русских князей. Все три основных игрока на политической сцене 1090-х гг. – князь киевский Святополк Изяславич, князь черниговский Олег Святославич и князь переяславский Владимир Всеволодич Мономах – были так или иначе связаны с кочевниками. Олег нанимал половецкие орды в качестве военной силы²⁷, Владимир принимал уроженцев степи в дружину и отправлял в походы вместе со своими детьми²⁸, а Святополк и вовсе был женат на дочери хана Тугоркана, что привело, в итоге, к коллизии, не ускользнувшей от внимания летописца: хан был убит в сражении с полками собственного зятя, который вынужден был хоронить свойственника «аки тьстя своего и врага»²⁹. Наивно полагать, что половцы, сражавшиеся, скажем, на стороне Владимира Мономаха и его сыновей, принципиально отличались по внешнему виду и манерам от половцев, которых нанимал Олег Черниговский. Однако осуждается, причем в самых жестких выражениях, только Олег: «се уже третье навезде поганья на землю Русьскую, егоже грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянь изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землям»³⁰.

Столь негативное отношение к черниговскому князю не удивляет; своей жестокостью и крутым нравом князь настроил против себя бук-

²⁵ Там же. Стб. 271.

²⁶ Приселков. 1996. С. 288–289.

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 226.

²⁸ «и вдасть Мстиславъ стягъ Володимеръ половчину именемъ Кунуи, и вдавъ ему пѣшыць и постави на правѣмъ крилѣ. И, заведъ Кунуи пѣшыць, напя стягъ Володимеръ, и узрѣ Олегъ стягъ Володимеръ, и убоясь, и ужась нападе на нь и на воѣ его. И поидоша к боеви противу собѣ <...> И видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимеръ, нача заходити в тылъ его. И, убоясь, побѣже Олегъ. И одолѣ Мстиславъ» (Там же. Стб. 239–240).

²⁹ Там же. Стб. 231–232.

³⁰ Там же. Стб. 226.

вально всех³¹. Примечательно, однако, что сам по себе союз с половцами осуждения не вызывает.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по мере развития летописного текста образ половцев становился конкретнее и богаче деталями. Составитель Начального свода характеризует поведение степняков обобщенно, следуя, очевидно, некоему канону: «емлюще иконы, зажигаху двери, и укаряху Бога и законъ нашъ. Богъ же терпяше, еще бо не скончались бяху грѣси ихъ и безаконья ихъ, тѣмъ глаголаху: “Кдѣ есть Богъ ихъ, да поможеть имъ и избавить я”, и ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы»³². Так или примерно так вели бы себя в церкви любые другие безбожники. Напротив, автор Повести временных лет интересуется особенностями половецкой военной тактики, подробно описывая, например, маневры полков Боняка в ходе битвы с венграми, а иногда и любителю ордами кочевников, подыскивая для их действий нетривиальные метафоры: «и сбиша угры, акы в мячь, яко се соколъ сбиваетъ галиць»³³ [5, стб. 271], «и поидоша полкове, акы борове»³⁴. Весьма показательна в этом отношении сцена военного совета в степи, помещенная в статье 6611 (1103) г. и построенная на том же противопоставлении старых и «уных», что и оценка политики Всеволода Ярославича (отца Владимира Мономаха), данная десятью годами раньше:

6601 г.

и нача [Всеволод — Д.Д.] любити смысл уных, свѣтъ творя с ними. Си же начаша заводити и негодовати дружины своя первая, и людем не доходити княже правды. Начаша ти унии грабити люди и продавати, сему не свѣдуше в болѣзнях своих³⁵.

6611 г.

Половци же слышавше, яко идет русь, собращася бе-щисла и начаша думати. И рече Урусоба: «Просим мира у руси, яко крѣпко имуть битися с нами, мы бо много зла створихом Русскѣи земли». И рѣша унѣиши Урусобѣ: «Аще ты боишися руси, но мы ся не боимъ, сия бо избивше, поидем в землю ихъ и примемъ грады ихъ. И кто избавить и от насъ?»³⁶.

Иными словами, половецкие ханы могут описываться в тех же категориях, что и «свои» для летописца русские князья.

³¹ Под 6603 г. рассказывается, как отказавшись выдать Итларевича, Олег вызвал «ненависть» Святополка и Владимира (Стб. 228–229), а под 6604-м — приводятся «словеса величава», которыми князь оскорбил уже всех киевлян (Стб. 230).

³² Там же. Стб. 233.

³³ Там же. Стб. 271.

³⁴ Там же. Стб. 278.

³⁵ Там же. Стб. 217.

³⁶ Там же. Стб. 278.

Итак, если *sub specie* классической «национальной истории» отношения русских и половцев выглядят как последовательное противостояние, то анализ структуры соответствующих летописных известий делает картину существенно более сложной и многоплановой. Времена противостояния сменялись временами мира, а воспроизведение стереотипов, предписываемых образом врага, – проявлениями человеческого интереса. Представляется важным дополнить наблюдения о восприятии степняков, сделанные на материале Начальной летописи, сведениями о том, как образ кочевых соседей эволюционировал в последующей летописной традиции. Такая работа позволит не только полнее представить себе спектр возможных подходов к «вопросу о половцах», но и определить момент, когда раннесредневековая гибкость уступила место последовательному неприятию, определившему то, какое место отводилось степнякам в историографии XIX–XX вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Полное собрание русских летописей. [Репринт. изд.] М.: Языки русской культуры, 1997–2000. Т. 1–3.
- Гитцус А. А.* Повесть об ослеплении Василька Тербовольского в составе Повести временных лет : к стратификации текста // Древняя Русь : вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 15–16.
- Гитцус А. А.* К проблеме редакций Повести временных лет: II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.
- Гребенюк В. П.* Принятие христианства и эволюция героико-патриотического сознания в русской литературе XI–XII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Наследие, 1995. Сб. 8. С. 3–15.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. 2–3. 828 с.
- Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
- Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии // *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 283–304. (Studiorum slavicozum monumenta.)
- Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 244 с. (Исторические исследования.)
- Чекин Л. С.* Безбожные сыны Измаиловы: половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 691–716.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб.: Наука, 2002. Т. 1, кн. 1. С. 20–483.
- Добровольский Дмитрий Анатольевич*, к.и.н., доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; dmdobrowski@gmail.com.